

слова — отражать время, и делает это не только явно, но и через подтекст, который, как видно, становится в пьесе гораздо важнее фабульного содержания.

-
1. Гиппиус З. Зеленое кольцо. М., 2001.
  2. Гиппиус З. Зеленое — алое — белое. М., 2001.
  3. Ожигов А. О «Зеленом кольце»: (Литературно-театральные штрихи). СПб., 2008.
  4. Философов Д. Театральные заметки // Мир искусства. 1902. № 11. С. 46–51.
  5. Ханзен-Леве А. Русский символизм. СПб., 1999.
  6. Чулков Г. Зеленое кольцо. СПб., 2008.

Л. С. Кислова

г. Тюмень

Миф о стюардессе в отечественной драматургии:

Э. Радзинский, «104 страницы про любовь» —

Р. Литвинова, «Небо. Самолет. Девушка»

В киносценарии Ренаты Литвиновой «Небо. Самолет. Девушка», ставшем римейком пьесы Э. Радзинского «104 страницы про любовь», фабула почти полностью совпадает с фабулой претекста. Образ главной героини Лары приближен к образу героини Э. Радзинского, но герой у Р. Литвиновой — это человек уже другого времени. Электрон Евдокимов («104 страницы про любовь») — физик-атомщик (профессия элитарная и модная в 60-е гг. прошлого века). Георгий («Небо. Самолет. Девушка») — военный корреспондент (профессия опасная, определенно мужская и востребованная в наши дни). Бортпроводница Лара так же, как и стюардесса Наташа Александрова, существует словно между небом и землей, но — в отличие от земной Наташи — Лара эфемерна, невесома, воздушна, словно бестелесна. Георгий, как и Электрон, устойчив, «припилен» к земле и соответственно внутренне глубоко антитетичен Ларе. В сценарии Р. Литвиновой воспроизводится ряд эпизодов, мизансцен

пьесы Э. Радзинского, а в финале обоих произведений героиня погибает, но если в драме Э. Радзинского смерть Наташи потрясает, шокирует и как будто не вписывается в общий контекст, то в киносценарии Р. Литвиновой Лара словно обречена с самого начала. Она не укоренена в жизни, чужда ей, а потому ее уход понятен и неотвратим, несмотря на всю трагичность ситуации. И хотя в тексте Р. Литвиновой, как и в пьесе Э. Радзинского, заведомо рискует герой (Электрон Евдокимов едет на испытание атомной установки, Георгий — в район военных действий), смерть наступает именно героиню. Замещение героя героиней — своего рода отвлекающий художественный прием, усиливающий трагическое звучание финала. Для Лары, которая словно задерживается в этом мире случайно, на самом деле нет смерти, поскольку ее пребывание на земле напоминает промежуточное, временное существование: «Я встречала таких девушек — небесных, как Лара. Они такие... более временные, чем мы все. Они всегда в моей жизни опережали всех, убегали, как я называю смерть. Куда-то их забирало, утягивало, да они и сами особенно не сопротивлялись. С ними, со светлыми, всегда что-то случалось. <...> Такие светящиеся существа, мне кажется, давно уже обручены с кем-то небесным. Их женихи на небесах. Наверно, поэтому получилось, что в начале фильма героиня долго идет по коридору аэропорта куда-то в свет. И мне хочется крикнуть: «Давайте цените ее, пока она не ушла навсегда! Пока она улыбается, пока живые глаза»» [3, с. 39].

В пьесе Э. Радзинского и в сценарии Р. Литвиновой самолет, на котором летит героиня, горит по сюжету (это знак, предупреждение, намек), но и в одном, и в другом случае этот знак завуалирован в тексте, практически незаметен. Акценты смещаются, и показаны отношения Наташи с влюбленным в нее штурманом Левого Карцевым и Лары с командиром.

Героини обоих текстов попадают в критическую ситуацию, хотя по сюжету опасная профессия у героя, и все, что происходит с Наташей или Ларой, воспринимается как случайность. Но если у Э. Радзинского горящий самолет действительно случайность и гибель Наташи — абсолютная трагедия, то Лара ускользает почти незаметно, а аварии в авиации воспринимаются уже как некая драматическая закономерность. В тексте Р. Литвиновой присутствует оригинальный эпизод, отсутствующий в претексте. Это несостоявшаяся встреча с Георгием. Он не приезжает на место свидания, и Лара проводит ночь в незнакомом городе, в чужой квартире, ужасно страдая: **«32. Улица города У. Лара режет руку под деревом.** На улице под деревом несколько раз достаточно острым ножом протыкает себе руку, закусывает губу, чтобы не кричать от боли, и тут

же завязывает ее платком. Над ее головой красиво шумит крона огромного дерева» [2, с. 434]. Лара сама наносит себе травму, что может квалифицироваться как попытка суицида.

В тексте Р. Литвиновой нет знаменитого монолога об уважении, который есть в пьесе Э. Радзинского: «*Наташа*. Понимаешь, нам было очень легко... сначала... за это нужно расплачиваться. Дальше нам будет все тяжелее, тяжелее... потому что я хочу уважения. А я его, в общем, не заслужила... а я его хочу... потому что... ну я... я хорошо к тебе отношусь. Если бы я хуже относилась <...> А сегодня я точно поняла... ты никогда не будешь... так ко мне относиться, как я хочу. Я всегда буду, в общем, чуть-чуть случайной» [4, с. 101–102]. Аналогичный монолог у Р. Литвиновой имеет совсем другие коннотации: «*Лара*: Я так хорошо отношусь к тебе. Вот если бы я относилась хуже, я могла бы просто так, не говорить эти мучительные слова. Я сегодня прозрела, что ты никогда не будешь ко мне относиться так, как я хочу, — я буду всегда случайной» [2, с. 439].

Лара не говорит об уважении, поскольку растворена в любви, любовь поглощает ее и погружает в совершенно другую реальность. Она не ждет уважения, даже не ждет взаимности от Георгия, она лишь стремится донести до него всю глубину своего чувства, для того, чтобы он ощутил кожей эту любовь как некий тактильный контакт. Лара самодостаточна в своем чувстве, и возможно, именно поэтому герой в сценарии столь схематичен и абсолютно бесчувственен. Героиня вычерпывает свою любовь и уходит из жизни, поскольку услышанной она может быть лишь из небытия. Таким образом, если пьеса Э. Радзинского — о мужчине и женщине, о том, как мужчина обретает чувства благодаря женщине, то пьеса Р. Литвиновой только о женщине, не услышанной мужчиной.

Лара живет в облаках, проводя в небе большую часть своего времени, что провоцирует ее уход, приближая, по сути, добровольную смерть. Гибель обреченной Лары на самом деле суицид, поскольку, по ее логике, любовь сильнее смерти. Ее уход неизбежен, и героиня Р. Литвиновой исчезает, продолжая хранить свое чувство в пространстве другого мира.

Влюбленная Лара уносится в иной, счастливый мир и существуют там абсолютно безмятежно до следующей реинкарнации. Охраняя любовь ценою жизни, героиня уходит из христианизированной действительности и начинает воспринимать окружающий мир сквозь призму языческих ритуалов. Дехристианизация героев Р. Литвиновой способствует созданию особого религиозного дискурса, связанного с культом

любви, поклонением любви. В заголовке к киносценарию указано: «...*Написано кровью*...», и в виртуальной реальности героев добровольная смерть, уход в иное бытие гарантируют абсолютное бессмертие.

Герои Э. Радзинского Наташа и Электрон, безусловно, атеисты, и время создания пьесы — время атеистов. Герой — ученый, физик-атомщик, а значит, ему чужда любая религия. «Актуальный оттепельный» физик и девушка, живущая в небесах, — это идеальный тандем, красивейшая пара шестидесятых: «Стюардесса стала самой престижной профессией, и чисто прагматичными соображениями (зарплата, возможность посмотреть мир, проникнуть за “железный занавес”) это не объяснить. Приподнятость к небесам делала стюардесс чуть ли не богинями. Времена изменились, появились куда более престижные занятия, полет на самолете перестал быть исключительным актом, но миф о стюардессе остался» [1, с. 4]. Но Э. Радзинский, вероятно, не случайно выбирает профессию героине, и дело не только в престижности. Стюардесса обитает в небе, а значит, близка к Богу. И если в киносценарии Р. Литвиновой христианское соседствует с языческим (реинкарнация, суицид, кровь, жертва), то в тексте Э. Радзинского оно проявлено именно в образе Наташи. Однако и Наташа, и Лара, каждая в своей ситуации, становятся ангелами-хранителями для пассажиров загоревшегося самолета: «*Мышка*: Она не придет! Потому что... она все волновалась, что у вас происходило важное на работе. Она не придет... потому что... у них там что-то загорелось — она всех выпускала, выпускала, всех выпустила, а сама не успела. Потом она пришла в сознание. Она еще долго жила — целых полтора часа! И все волновалась за вас, как вы там... Мне потом уже не разрешили быть возле нее. Ее увезли, я нашла ваш телефон в ее сумочке и все звонила вам, но вы не брали трубку, а больше у нее никого и нет. Она не придет... Она так хорошо рассказала о вас. Она волновалась за вас. И еще... она просила передать вам, что главное — это выдержка» [2, с. 449].

Римейк Р. Литвиновой, повторяя сюжетные линии претекста, явлен совершенно в другой тональности: героиня осознает себя как жертву («*Лара*: Наоборот, ты самоуверенный со мной, я так не умею. Совсем не жалеешь. Ты мой любимый и убиваешь меня» [Там же, с. 437]), а Георгий при всей своей жесткости менее защищен, нежели Электрон, и более инфантилен. Пьеса Э. Радзинского с романтическим названием создавалась как драма о героях шестидесятых, текст же Р. Литвиновой, обладающий нейтральным заглавием, не имеет четких временных параметров. Эта история могла произойти в любом пространстве, в любое время и с любыми героями, что свидетельствует об универсальности самой идеи.

Оба текста были успешно экранизированы: фильм «Еще раз про любовь» (режиссер Г. Натансон, сценарий Э. Радзинского) выходит на экраны в 1968 г., а картина «Небо. Самолет. Девушка» (режиссер В. Сторожева, сценарий Р. Литвиновой) — в 2002.

«Еще раз про любовь», безусловно, красивая мелодрама с типично советскими реалиями, нессоветским гламурным антуражем и драматическим финалом. Звезда театра и кино Татьяна Доронина в роли Наташи сочетает вечную, неизбывную женственность, комсомольскую бескомпромиссность и бесконечную доброту, способную растопить сердце благородного, но холодноватого физика, наконец полюбившего и понявшего все про любовь. Наташа в исполнении Т. Дорониной лишена загадочности, она открыта и понятна. Живущая в небесах Наташа остается земной девушкой, которой необходимы семья, любовь и покой. Лара Р. Литвиновой, в отличие от героини Т. Дорониной, далека от всего земного, она словно спустилась с небес на землю, а затем вернулась туда, где ее постоянный дом. Лара именно своей «нездешностью», бестелесностью покорила молчаливого неэмоционального военного корреспондента, попутно рассказав ему о любви и жизни: «*Лара*: Нет, нет!.. Но ведь это же какой-то у тебя дефект — быть таким холодным, совсем не жалеть живых людей. По-моему, у нас у всех жизнь и так короткая, по-моему, люди и так беззащитны, смертны, под этими костюмами бьются живые сердца, все так недолговечно...» [2, с. 442].

Профессия героини пьесы Эдварда Радзинского и киносценария Ренаты Литвиновой становится своеобразным брендом, символом женственности и воплощением любви. Неземная, загадочная профессия притягивает, обволакивает и интригует интеллигентного физика и бестрашного военкора. Стюардесса, изображенная на плакате «Летайте самолетами “Аэрофлота”», превращается в прекрасную мечту, воплощенную в нежной Наташе и слегка безумной Ларе.

-
1. Кулиш А. За облаками // *Premiere*. 2003. № 57. С. 4.
  2. Литвинова Р. Небо. Самолет. Девушка // Литвинова Р. Обладать и принадлежать. СПб., 2007. С. 407–449.
  3. Литвинова Р. О небе, о самолете и о девушке // *Premiere*. 2003. № 57. С. 39.
  4. Радзинский Э. 104 страницы про любовь // Радзинский Э. С. Начало театрального романа. М., 2004. С. 35–130.